

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Викторовский Е., свящ.

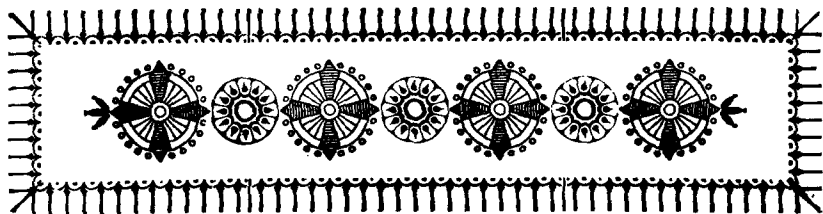
**ИСКУССТВО И МОРАЛЬ
В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ:
ОТНОШЕНИЕ
СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА
К ИСКУССТВУ**

Странник, 1910, № 2, с. 196–225

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Искусство и мораль въ ихъ взаимоотношеніи.

(Отношеніе св. Іоанна Златоуста къ искусству).

„Чадо, въ животъ твоёмъ искуси душу твою, и виждь, что ей зло есть, и не даждь ей. Ибо не вся всѣмъ на пользу, и не всяка душа во всемъ благоволитъ“ (Сирах. 37, 30—31)

„Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу; вся ми лѣтъ суть, но не вся назидають“ (1 Кор. 10, 23).

„Красота есть сіяющее добро“ (Платонъ, „Пиръ“, перев. Карпова, ч. IV, 207).

„Въ Богѣ не одно только, но всё три совершенства можно видѣть въ такой высокой степени, что невозможно выразить ихъ словомъ. И во-первыхъ, красота этого блаженнаго и нетлѣннаго Существа неизяснима, ни съ чѣмъ несравнима, превосходитъ всякаго слова и выше всякаго разумѣнія“ (І. Златоустъ, т. V, 156).

Въ наше время, когда идетъ коренная ломка всѣхъ жизненныхъ устоевъ и переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, когда во всѣхъ областяхъ жизни чувствуется неудовлетворенность существующимъ и желаніе замѣнить его лучшимъ будущимъ, когда при общемъ шатаніи мысли, замѣчается какая-то неопредѣленность въ желаніяхъ и неувѣренность при ихъ осуществленіи,—въ это время особенно должно

быть полезно для насъ обратиться за руководственными указаніями къ такимъ великимъ въ исторіи лицамъ, какимъ былъ, напр., св. Іоаннъ Златоустъ. Для него, въ его стремленіяхъ и въ его дѣятельности, все было ясно и просто, въ силу твердаго сознанія той цѣли, къ достиженію которой каждый человѣкъ долженъ стремиться въ своей жизни. Цѣль эта, будучи общечеловѣческой и охватывая всѣ стороны человѣческой жизни, должна была руководить человѣкомъ во всѣ времена и во всѣхъ областяхъ его жизни; а потому и въ области искусства тоже не должно бы уклоняться отъ служенія той-же цѣли, и, во всякомъ случаѣ, не должно бы препятствовать ея осуществленію. Между тѣмъ, въ этой именно области мы видимъ теперь, съ одной стороны,—особенно сильныя исканія чего-то новаго и неудовлетворенность старымъ, а,—съ другой стороны,—полную тщетность этихъ исканій и упорное нежеланіе въ области искусства стремиться къ той цѣли, которая есть „единая на потребу“ и внѣ которой современное искусство пришло въ такой тупикъ, гдѣ готово воспѣвать „красоту безобразнаго“, яркимъ выраженіемъ чего является современное „декадентство“ въ искусствѣ.

Конечно, такіе свѣтильники вѣры и жизни по вѣрѣ, какъ св. І. Златоустъ, не занимавшійся вопросами искусства специально, не могутъ дать отвѣта на всѣ частные вопросы искусства. Но въ области руководящихъ принциповъ, въ той именно области, гдѣ теперь и замѣчается особенное шатавіе, — въ этой области свѣтильникъ св. І. Златоуста ярко свѣтитъ и до сихъ поръ всякому, кто способенъ и хочетъ „ходить“ въ этомъ свѣтѣ, есть чему здѣсь поучиться.

IV—V вѣка нашей эры, по справедливости, считаются золотыми вѣками христіанской богословской письменности. Никогда въ другое время богословская мысль не достигала такого полного развитія и блестящаго выраженія, какъ именно въ эти вѣка,—въ твореніяхъ величайшихъ отцовъ и учителей церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и др. Такой исключительный подъемъ

богословской мысли зависѣлъ во многомъ отъ обстоятельствъ предшествовавшей церковной жизни. Окрѣпшая въ борьбѣ съ умиравшимъ язычествомъ, очищенная въ горнилѣ тяжкихъ испытаній и гоненій отъ наносныхъ элементовъ, сказавшихся въ формѣ ересей и расколовъ, возникшихъ на почвѣ языческихъ вѣрованій (монтанизмъ, гностицизмъ и др.),—христіанская богословская мысль въ самой тяжести гоненій за вѣру почерпнула особую твердость и устойчивость. И въ то время, когда эти гоненія со стороны язычества прекратились, а новыя испытанія отъ ересей и расколовъ, возникшихъ уже на чисто христіанской почвѣ, еще не начинались, въ это сравнительно спокойное для церкви время ея богословская письменность должна была отличаться и дѣйствительно отличается характеромъ необыкновенной глубины, кристальной чистоты, ясности и подкупающей искренности. Этотъ подъемъ религіозной мысли, получившій столь яркое выраженіе въ христіанской письменности, не могъ не сказаться и въ другихъ областяхъ церковной жизни, и прежде всего—въ той ея области, которая тѣсными узами связана съ письменностью и служить конкретнымъ, нагляднымъ и образнымъ выраженіемъ тѣхъ же идей: разумѣемъ область христіанскаго искусства.

И дѣйствительно, золотой вѣкъ христіанской письменности есть въ то-же время и золотой вѣкъ христіанскаго искусства. Здѣсь то-же была своего рода борьба съ умиравшимъ язычествомъ и его искусствомъ, были здѣсь и *sui generis* ереси и расколы, борьба съ которыми очищала христіанское искусство отъ наносныхъ языческихъ элементовъ. Если-же этихъ ересей и расколовъ въ области искусства кажется меньше, чѣмъ въ области религіозной письменности, то это потому, во-первыхъ, что здѣсь они меньше уловимы; а — во-вторыхъ, — потому, что здѣсь и дѣйствительно ихъ было меньше, такъ какъ главную, руководящую роль въ этой борьбѣ христіанскаго искусства съ тѣмъ, что было языческаго (а не общечеловѣческаго) въ античномъ искусствѣ,—приняла на себя та-же церковная письменность. Она, въ лицѣ своихъ представителей, такъ или иначе касалась вопросовъ искусства, предостерегая и очищая его отъ наносныхъ языческихъ элементовъ. На долю-же искусства, оставалось, преимущественно, пользоваться готовыми ре-

зультатами этой борьбы. Если же, однако, нельзя не замѣтить нѣкоторой борьбы и на почвѣ самого искусства, особенно въ области художественныхъ формъ, то это потому, что въ этомъ именно отношеніи художники являлись лицами болѣе компетентными, чѣмъ представители религіозной мысли, которые въ свою очередь обладали большимъ авторитетомъ въ сферѣ религіозныхъ идей, въ томъ числѣ—и художественныхъ. Въ области художественныхъ формъ христіанскому искусству предлежала задача дать новое направленіе отживавшему свой вѣкъ классическому искусству, пересоздать античныя художеств. формы, очистить отъ языческихъ элементовъ и въ этомъ очищенномъ видѣ примѣнить къ своимъ потребностямъ ¹⁾. Результатомъ этой борьбы въ области искусства явился необыкновенный подъемъ его, выразившійся какъ количественно—въ безчисленномъ множествѣ художественныхъ произведеній, наполнявшихъ великолѣпные христіанскіе храмы; такъ и—качественно—въ томъ высокомъ соотвѣтствіи между содержаніемъ и формой, въ той теплотѣ и искренности христіанскаго чувства, въ томъ вообще чисто христіанскомъ характерѣ, какой отличаетъ искусство этого времени отъ искусства послѣдующихъ временъ.

Такая тѣсная связь между христіанской письменностью и христіанскимъ искусствомъ, естественно, принуждаетъ насъ въ вопросахъ искусства руководиться данными, заимствованными изъ свято-отеческой письменности этого-же времени и здѣсь искать тѣ руководящія художественные принципы, какіе должны были предноситься уму и сердцу тогдашнихъ художниковъ. Знаніе художественныхъ взглядовъ оо. и учителей Церкви особенно важно еще и потому, что и до сихъ поръ существуетъ теорія (именно „теорія“, потому что она далека отъ правды и жизни), силящаяся доказать, что искусство, — особенно изобразительное, — по самому своему существу противоположно христіанству и что оо. Церкви несочувственно относились къ искусству, видя въ немъ нѣчто принципиально предосудительное. Хотя эта теорія не нова (на ея почвѣ возникла извѣстная ересь ико-

¹⁾ Голубцовъ, Объ отношеніи христіанъ II—III ст. къ искусству. Богосл. Вѣстн. 1903 г., кн. X, с. 196.

ноборчества), однако въ отношеніи многихъ оо. Церкви она проводится и доселѣ, преимущественно—на протестантскомъ западѣ. Современные намъ представители этой теоріи и до сихъ поръ говорятъ еще о той ненависти (Kunsthass) къ искусству, которой якобы отличались оо. Церкви. Правда, лучшіе знатоки исторіи христіанскаго искусства, какъ напр., проф. Краусъ, считаютъ эту мнимую ненависть не болѣе какъ басней ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, слѣды этой теоріи сказываются, по нашему мнѣнію, даже во взглядахъ на этотъ вопросъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей искусства (каковы, напр., Бочалдинъ ²⁾, Голубцовъ ³⁾, Фонтъ-Фрикень ⁴⁾ и др.), которые, отрицая полную справедливость этой теоріи, признаютъ, однако, относительную справедливость ея въ отношеніи нѣкоторыхъ оо. Церкви (напр., Тертуллиана, Лусина Мученика, Климента Александр., Арнобія, Оригена и др.).

Насколько несправедлива эта теорія въ отношеніи указанныхъ и другихъ оо. Церкви,—я постараюсь показать впоследствии. Теперь же беру на себя задачу изложить взглядъ на искусство,—преимущественно,—изобразительное (какъ наиболѣе пререкаемое), такого виднаго представителя св. отеческой письменности „золотого“ ея вѣка, какимъ безспорно является св. І. Златоустъ. Аскетическій характеръ его твореній подалъ поводъ нѣкоторымъ (каковы, напр., иконоборцы ⁵⁾) причислять и его къ числу принципиальныхъ отрицателей изобразительнаго искусства. Въ своемъ рефератѣ мы и постараемся показать насколько произвольно и неосновательно такое мнѣніе.

Вопросы искусства интересовали св. І. Златоуста, какъ и другихъ оо. Церкви, лишь постольку, поскольку они со-

¹⁾ Проф. Краусъ говоритъ: „Теперь это ученіе о ненависти къ искусству первыхъ христіанъ есть первая и злѣйшая басня которую современная критика хочетъ вывести изъ исторіи христіанскаго искусства“.—F. X. Kraus. Geschichte der christl. Kunst. I B., с. 58).

²⁾ И. Бочалдинъ, „Изобраз. искусства и св. оо. Церкви IV вѣка“ Вѣра и Церк. 1902 г., т. II, с. 527 и др.

³⁾ Голубцовъ, „Объ отнош. христіанъ II—III ст. къ искусству“ Богосл. В. 1903 г., кн. X, с. 176, 178, 179, 183 и др.

⁴⁾ Фонтъ-Фрикень. „Римск. катакомбы“, IV, с. 10.

⁵⁾ А. Лебедевъ. Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ. Москва. 1876 г. стр. 330.

прикасались съ той главной цѣлью, какую полагалъ св. отецъ въ основу всѣхъ своихъ твореній. Нравственное совершенство человѣка, моральный прогрессъ пасомыхъ — вотъ что составляло главную, — и можно сказать, единственную, — заботу великаго церковнаго учителя. Съ этой именно точки зрѣнія онъ оцѣнивалъ всѣ явленія христіанской жизни: все то, что соотвѣтствовало этой главной цѣли, что хоть сколько-нибудь способствовало достиженію ея, — все это св. І. Златоустъ не только признавалъ и одобрялъ, но и старался провести въ жизнь христіанъ. И въ области искусства онъ все оцѣнивалъ съ той же точки зрѣнія морали; посему и взглядъ св. І. Златоуста на искусство есть, по существу своему, взглядъ на взаимоотношеніе искусства и морали. Въ этомъ отношеніи св. І. Златоустъ не былъ, такъ сказать, новаторомъ, такъ какъ до него всѣ оо. Церкви опредѣляли свое отношеніе къ христіанскому искусству именно согласіемъ его съ нравственнымъ совершенствомъ, — этимъ кореннымъ требованіемъ христіанства. Даже болѣе того, эта точка зрѣнія во взглядѣ на искусство довольно сильно обозначилась и въ языческой философіи, особенно въ сочиненіяхъ объ искусствѣ философа Плотина, слѣдовавшаго отчасти въ этомъ отношеніи Платону и Аристотелю, но яснѣе послѣднихъ формулировавшаго свои художественные взгляды. Этотъ философъ, вліяніе котораго сказалось на твореніяхъ такихъ великихъ оо. Церкви, какъ Кирилль Іерусалимскій, Василій Великій, Григорій Богословъ ¹⁾, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ и св. І. Златоусту. По крайней мѣрѣ, во взглядахъ на искусство мы находимъ между ними большое сходство; разумѣется, — настолько, насколько такое сходство было возможно между воззрѣніями языческаго философа-идеалиста и великаго отца Церкви — моралиста. Если даже предположить, что такое сходство — совершенно случайно, то и тогда проведеніе параллели между взглядами этихъ двухъ лицъ на искусство можетъ уяснить намъ вопросъ, служащій темой настоящаго реферата; тѣмъ болѣе, что, — какъ выше было замѣчено, — св. І. Златоустъ въ своихъ твореніяхъ касается вопросовъ искус-

¹⁾ Анааньинъ „Ученіе Плотина о прекрасномъ“, Вѣра и Раз. 1903 г. т. I, с. 104.

ства только отчасти, какъ бы вскользь, и язычникъ философъ Плотинъ, стоящій при рѣшеніи этихъ же вопросовъ на той же точкѣ зрѣнія морали, но написавшій по вопросамъ искусства два спеціальныхъ трактата, въ значительной степени дополняетъ св. отца и помогаетъ понять то, что имъ сказано и что недосказано. Въ тѣхъ же деталяхъ вопроса, гдѣ взглядъ св. І. Златоуста кажется намъ недостаточно яснымъ, а философъ Плотинъ, какъ язычникъ, не можетъ помочь его уясненію, мы позволимъ себѣ обратиться къ другому, почти современному намъ, уже христіанскому знатоку искусства, англичанину—Д. Рескину, въ своихъ лекціяхъ по искусству ¹⁾ удѣлившему особенное вниманіе вопросамъ морали.

Первый вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, — вопросъ о сущности искусства, его задачахъ и конечной цѣли и о средствахъ, какими эти задачи выполняются и цѣль достигается. Далѣе, мы рассмотримъ вопросъ о тѣхъ качествахъ, какими долженъ обладать художникъ для того, чтобы творить истинно художественныя произведенія. Наконецъ, укажемъ тѣ внутреннія свойства души, какія необходимы каждому, кто хочетъ имѣть возможность и нравственное право наслаждаться произведеніями искусства.

Итакъ, что такое искусство, каковы его ближайшія задачи и конечная цѣль и какими средствами оно обладаетъ?

Почти всѣ теоретики и практики искусства сходятся въ томъ мнѣніи, что искусство, по своей сущности, есть выраженіе въ конкретной формѣ присущаго человѣку идеала красоты. Разногласія существуютъ, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи самой красоты въ искусствѣ ²⁾. Въ то время, какъ одни понимаютъ красоту въ искусствѣ чисто формально, признавая ея сущность въ гармоническомъ согласіи идеи съ формой, ее выражающей, въ синтезѣ порядка и симметріи; другіе понимаютъ сущность красоты въ искусствѣ гораздо глубже и полагаютъ, что красота присуща не только гармоническому отношенію между идеей и формой, но и самой идеѣ и формѣ. Красота есть, такимъ образомъ,

¹⁾ Д. Рескинъ. Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году. Перев. Когана. Москва. 1900 г.

²⁾ Мы дѣлаемъ здѣсь опредѣленіе красоты въ искусствѣ, но не — красоты самой въ себѣ.

не формальная связь, а свойство, но свойство не красивыхъ вещей, не красивыхъ произведеній искусства, а свойство, — лучше сказать, — способность человѣческой души соотвѣтственнымъ образомъ отзываться на опредѣленные внѣшнія раздраженія и соотвѣтственнымъ образомъ выражать свои внутреннія переживанія въ конкретныхъ образныхъ формахъ. „Красота предмета, — говоритъ проф. А. Смирновъ, — не есть что-либо объективно-присущее предмету, какъ другія его свойства и качества, какъ напр., величина, форма, тяжесть и т. п. На самомъ дѣлѣ, всякія эстетическія свойства вещей суть наши субъективныя чувства, извѣстнаго рода волненія, вызываемыя въ насъ нѣкоторыми фактами и предметами... Красота есть не что иное, какъ наша точка зрѣнія, наша оцѣнка предмета, коренящаяся въ тѣхъ чувствахъ удовольствія, или эстетическаго наслажденія, которыя вызываются въ насъ объективными свойствами вещей и ихъ комбинаціями“ ¹⁾. Красота въ искусствѣ сводится, такимъ образомъ, къ нашему „я“.

Первое пониманіе красоты въ искусствѣ проводится древнегреческими филосогами и послужило основой древнегреческаго искусства, которое, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, есть выраженіе именно того пониманія красоты, которое полагаетъ ее въ гармоніи идеи и формы. Сама идея, выражаемая въ извѣстной формѣ, равно какъ и эта форма, могутъ и не имѣть ничего общаго съ красотой во-второмъ ея пониманіи, т. е. могутъ и не вызывать въ человѣкѣ соотвѣтствующихъ чувствованій; равно какъ и сами онѣ (идея и форма) являются плодомъ чисто разсудочной, а не полной, охватывающей всѣ способности души, дѣятельности художника. Отсюда главнымъ и, можно сказать, единственнымъ условіемъ греческаго искусства является умѣніе художника обращаться съ матеріаломъ, или — техника, и само искусство у грековъ становится техникой, какъ это показываетъ и самое названіе его по гречески „τέχνη“. Технику или умѣніе въ искусствѣ признаетъ, конечно, и другая точка зрѣнія на искусство, полагающая его сущность въ способности человѣка къ соотвѣтствующимъ внутреннимъ пере-

¹⁾ А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Универс. лекціи. Казань. 1894 г. с. 26.

живаніямъ, вызываемымъ созерцаіемъ красивыхъ произведеній искусства и вызывающимъ созданіе ихъ. Такой взглядъ на искусство проводится оо. Церкви и вообще христіанскимъ искусствомъ, хотя нѣкоторые зачатки его имѣются и въ классической древности.

Св. І. Златоустъ, хотя нигдѣ прямо не говоритъ о сущности искусства, но онъ принимаетъ тѣ выводы, какіе могутъ быть сдѣланы изъ того опредѣленія искусства, какое сдѣлано нами выше, а потому мы въ правѣ заключить, что и самое это опредѣленіе могло бы быть принято Златоустомъ. Какіе же это выводы? Согласно нашему опредѣленію искусства, созданіе художникомъ красивыхъ произведеній возможно только при наличности соотвѣтствующихъ внутреннихъ переживаній или эстетическихъ эмоцій, возникающихъ въ душѣ художника при созерцаіи опять таки художественныхъ произведеній. Получается, такимъ образомъ, какъ бы логическій кругъ. Но этотъ кругъ разомкнется, если мы повѣримъ въ существованіе Первохудожника, Который создалъ и постоянно творитъ такое неисчерпаемое множество дивныхъ художественныхъ произведеній, что его болѣе чѣмъ достаточно для возбужденія въ самомъ черствомъ и малохудожественномъ человѣкѣ эстетическихъ эмоцій. „Природа,—говоритъ г. Иванцовъ,—великая и вѣчная вдохновительница художниковъ, и во всѣхъ нашихъ образахъ, во всѣхъ эстетическихъ переживаніяхъ предметовъ проявляется уже врожденное, бессознательное искусство... Мы можемъ только сравнивать эстетическія наслажденія, доставляемыя созданіями искусства, съ тѣми спочойными радостями, съ тѣми симпатическими волненіями, съ тѣми туманными и сладкими грезами, которыя возбуждаетъ въ насъ непосредственно созерцаемая природа“¹⁾. Такимъ образомъ источникомъ искусства является природа, а Первымъ Художникомъ—Самъ Творецъ природы—Богъ. И св. І. Златоустъ нерѣдко прилагаетъ этотъ эпитетъ къ имени Божію. „Богъ, какъ мудрый художникъ, и изъ ничтожнаго вещества создалъ превосходную красоту, чтобы показать тебѣ свою премудрость. Удивляйся красотѣ... чтобы прослав-

¹⁾ Н. Иванцовъ. „Искусство и природа“. Вопросы филос. и псих., 1895 г. Сент., 426—427.

лять Художника“— говоритъ св. I. Златоустъ ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній онъ называетъ Бога „Высочайшимъ Художникомъ“ ²⁾, Который „всему видимому даль надлежащій порядокъ и красоту“ ³⁾. Богъ не только Творецъ красоты, но и Источникъ ея. „Любовь обыкновенно возбуждаютъ въ насъ,—говоритъ св. I. Златоустъ,—слѣдующіе три предмета: или тѣлесная красота, или великое благодѣяніе, или любовь къ намъ другого. Каждый изъ этихъ предметовъ, самъ по себѣ, можетъ воспламенить нашу любовь... Въ Богѣ не одно только, но всѣ три совершенства можно видѣть въ такой высокой степени, что невозможно выразить ихъ словомъ. И во-первыхъ, красота этого блаженнаго и нетлѣннаго Существа неизяснима, ни съ чѣмъ несравненна, превосходитъ всякаго слова и выше всякаго разумѣнія“ ⁴⁾. Тоже самое говоритъ и эстетикъ Костеръ, по словамъ котораго „идеи красоты, добра и истины врождены. Эти идеи просвѣщаютъ нашъ умъ и тождественны съ Богомъ, Который и есть добро, истина и красота“ ⁵⁾.

Итакъ, по Златоусту, абсолютная красота присуща только Богу и отъ Него, какъ отъ своего Источника получаютъ красоту какъ сотворенныя Имъ вещи, такъ и самъ человѣкъ, по своей духовной природѣ имѣющій образъ и подобіе Божіе. Какъ близко сходенъ такой взглядъ на первоисточникъ красоты съ тѣмъ взглядомъ на тотъ же предметъ, какой высказалъ языческій философъ Плотинъ: „Какое увлеченіе любви долженъ испытывать тотъ, кто созерцаетъ Его (Бога), съ какою страстностью онъ долженъ желать соединиться съ Нимъ, какой восторгъ долженъ охватить его! Тотъ, кто еще не созерцалъ Его, желаетъ Его, какъ блага. Тотъ-же, кто созерцалъ, удивляется Ему, какъ высшей красотѣ, охватывается изумленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наслажденіемъ, чувствуетъ восторгъ, въ которомъ нѣтъ ничего страдательнаго, любить истинною любовью съ несравненною страстностью, отвергаетъ всякую другую

1) Твор. I. Златоуста, т. V, стр. 807.

2) Ibid, т. IV, стр. 122.

3) Ibid, т. IV, стр. 56.

4) I. Златоуста, т. V, с. 156.

5) Л. Н. Толстой. Что такое искусство? Изд. 1-е Москва. 1898 г. стр. 41.

любовь и презираетъ то, что онъ раньше называлъ красотою“ 1).

Будучи источникомъ красоты и Первымъ Художникомъ, Богъ, по словамъ I. Златоуста, научаетъ искусству и людей. „Когда при Моисеѣ въ пустынѣ строилась скинія,—говорить св. I. Златоустъ,—то, безъ сомнѣнія, въ то время была нужда не въ учительскомъ дарѣ, а въ дарѣ зодчаго, какимъ образомъ приготовить виссонъ, гіацинтъ, багряницу, порфиру. Богъ сообщилъ благодатный даръ—зодческій, даръ шивать и ткать, плавить золото, обдѣлывать камни и соединять ихъ. Почему Богъ сообщилъ эти искусства? Потому что Онъ созидаль на землѣ скинію... и была нужда въ дарѣ Духа Святаго, приводившемъ въ стройный порядокъ дѣло. То было время не учительства, но—примѣненія искусства ткать и прочихъ искусствъ“ 2). Такимъ образомъ, и человѣческое искусство ведетъ свое начало отъ Бога и есть даръ Божій.

Будучи божественно по своей сущности и по происхожденію, истинное искусство должно быть конечно и морально, такъ какъ Богъ есть не только абсолютная Красота, но и абсолютное Благо, а потому—все противное нравственному добру не можетъ имѣть своимъ источникомъ Бога.

Содержаніе искусства составляютъ внутреннія переживанія художника при созданіи имъ художественныхъ произведеній. вызывающія и въ людяхъ, созерцающихъ эти произведенія, соответствующія симпатическія переживанія. Что тѣ и другія по своему характеру должны быть моральны,—это видно и изъ вышесказаннаго: но къ этому вопросу мы еще вернемся далѣе.

Ближайшими задачами искусства является удовлетвореніе необходимымъ житейскимъ потребностямъ человѣка и удовлетвореніе присущему душѣ человѣка чувству красоты, какъ отображенію въ человѣкѣ абсолютной красоты Божества. „Дѣло искусства,—говорить св. I. Златоустъ.—состоитъ въ томъ, чтобы доставлять какую либо пользу“ 3). „Какъ въ домахъ однѣ вещи существуютъ ради нужды,

1) С. Анапий. Ученіе Плотина о прекрасномъ. (Вѣра и Раз. 1903 г., т. 1, с. 99).

2) Твор. I. Златоуста, т. III, с. 882—883.

3) Твор. св. I. Златоуста, т. VII, с. 539.

другія для красоты, такъ и Богъ одно далъ человѣку для красоты, другое для пользы... Богъ ничего не сотворилъ въ тѣлѣ безъ красоты, а все создалъ для красоты и для пользы. Напр., глазъ имѣетъ двѣ цѣли—пользу и красоту: онъ и видитъ, и красить лицо; украшаетъ внѣшность, и все видитъ. Ухо служитъ на пользу и для красоты, такъ какъ оно, представляя какъ-бы вазу, украшаетъ человѣка... Но чтобы не указывать тебѣ многочисленныхъ красотъ, скажу только объ одной. Богъ далъ человѣку,—разумѣю мужчину,—вмѣстѣ съ другими и сосцы. Зачѣмъ мужчинѣ сосцы? Для красоты. Пусть женщинѣ нужны сосцы по необходимости природы, для образованія молока. Для чего они мужчинѣ? Для благовидности, для красоты“ 1). Такимъ образомъ Златоустъ допускаетъ наслажденіе красотой самой по себѣ, независимо отъ другихъ цѣлей. Нравственную законность такого наслажденія онъ такъ объясняетъ: „Можно видѣть, что въ нашемъ тѣлѣ многое существуетъ не только для пользы, но и для красоты; цвѣта и краски существуютъ для красоты, а не для одной пользы; можно быть и чернымъ, и ничего не терять въ смыслѣ пользы... Такъ какъ намъ дана трудная и тяжелая жизнь, то даровано и нѣкоторое утѣшеніе“ 2). Значитъ,—замѣтимъ кстати,—по Златоусту только тѣ имѣютъ нравственное право на это „утѣшеніе“, кто ведетъ „трудную и тяжелую жизнь“.

Итакъ, польза и красота—вотъ двѣ ближайшія задачи искусства по мнѣнію І. Златоуста. Эти задачи признаетъ и современное намъ искусство. Такъ, извѣстный эстетикъ Д. Рескинъ говоритъ: „Всѣ великія искусства имѣютъ цѣлью или поддержку, или возвышеніе жизни, — обыкновенно и то и другое“ 3). И съ этой именно точки зрѣнія оцѣниваетъ св. І. Златоустъ всѣ произведенія искусства и къ однимъ изъ нихъ относится отрицательно, такъ какъ находитъ ихъ или бесполезными, или некрасивыми, а другіе—признаетъ полезными и одобряетъ. Такъ онъ называетъ „искусствами, необходимыми для насъ: врачебное искусство, зодчество и прочія, имъ подобныя“ 4). „Если я приведу тебя къ... живо-

1) Ibid., т. VI, 788—789.

2) Твор. І. Златоуста, т. VI, с. 492.

Д. Рескинъ. Лекціи по искусству, стр. 45.

4) Твор. І. Златоуста, VII, 512.

писи, то... здѣсь ты растеряешься. Скажи мнѣ, не напраснымъ ли тебѣ покажется то, что дѣлаетъ живописецъ?“—спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ св. І. Златоустъ. „Къ чему для него служить начертанія и переплетанія линий? Когда же онъ положитъ краски, тогда бросится тебѣ въ глаза красота искусства“¹⁾. Признаетъ Златоустъ необходимость и полезность и изобразительнаго искусства. Такъ онъ говоритъ: „Такъ какъ царь не можетъ присутствовать при всѣхъ (начальникахъ), то по необходимости выставляютъ въ судилищахъ, въ мѣстахъ общественныхъ занятій, собраній, въ театрахъ, изображеніе царя. Царское изображеніе должно быть во всякомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ начальникъ, чтобы его рѣшенія получали силу“. И дальше Златоустъ приводитъ аналогію, которая въ примѣненіи ея къ христіанской иконографіи, вполне оправдываетъ возможность и необходимость изображеній Божества: „Царь, какъ человѣкъ, не можетъ присутствовать всюду,—точно также и Богъ не можетъ являться людямъ, какъ Богъ. Въ качествѣ царскаго изображенія Богъ и далъ дерево, которое напоминало Адаму, что онъ получилъ власть надъ всѣми (деревьями)“²⁾. Златоустъ допускаетъ даже возможность украшеній въ одеждѣ, когда рекомендуетъ мужу „наставлять жену въ любомудріи и увѣщевать,... чтобы были на ней украшенія изящныя, однакожь не такія, которыхъ изящество предосудительно“³⁾. Но бесполезныя искусства св. І. Златоустъ отрицаетъ. „Теперь есть такіе жалкіе люди, которые украшаютъ здѣшніе дома свои и золотыми потолками, и разноцвѣтными камнями, и живописными картинами“⁴⁾. „Что пользы тогда, когда мы строимъ свѣтлые и огромные дома, украшаемъ ихъ колоннами, мраморомъ, галлереями и гульбищами, и всячески поставляемъ всюду истуканы и статуи?“⁵⁾. „Живопись и умѣнье выводить узоры... вводятъ только въ излишнія из-

1) Бес. на посл. Ефес. I, 305. (Цитата взята у Вочалдина, цитов. стр. 539).

2) Твор. І. Златоуста, т. VI, с. 806.

3) Ivid., т. XI, с. 178.

4) І. Злат., т. I, стр. 27 Изд. 1864 г.

5) Бес. на посл. Филлипійц. Москва 1844, с. 203.

держки... Изображать животныхъ на стѣнахъ или одеждахъ... полезно ли къ чему-нибудь?"¹⁾

Особенно полезными, конечно, св. І. Златоустъ долженъ былъ признавать изображенія религіозныя. „Если религія полагаетъ смыслъ жизни въ почитаніи Единого Бога,—говорить Л. Н. Толстой,—(и на этотъ разъ—вполнѣ справедливо),—„и въ исполненіи того, что считается Его волей, то чувства, вытекающія изъ любви къ этому Богу и Его закону, передаваемые искусствомъ... — хорошее, высокое искусство. Все же, что противно этому, какъ передача чувства обожанія чуждыхъ боговъ и чувствъ, несогласныхъ съ закономъ Бога, будетъ считаться дурнымъ искусствомъ“²⁾. „Все же остальное огромное поле искусства, посредствомъ котораго люди общались между собою, не оцѣнивалось вовсе и отрицалось только тогда, когда оно было противно религіозному сознанію своего времени“³⁾. И св. І. Златоустъ явно одобряетъ обычай дѣлать портреты такихъ уважаемыхъ лицъ, каковъ былъ, напр., Мелетій, еп. Антиохійскій, изображенія котораго, по его словамъ, были въ большомъ почетѣ у антиохійскихъ христіанъ. „Многіе начертывали этотъ св. образъ (Мелетія Ант.) и на чашечкахъ перстцевъ и на печатяхъ, и на чашахъ, и на стѣнахъ брачныхъ чертоговъ и вездѣ, чтобы не только слышать святое имя его, но и вездѣ видѣть тѣлесный образъ его и такимъ образомъ имѣть двойное утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ“⁴⁾.

Что касается изображеній Божіихъ, то св. І. Златоустъ, какъ видно изъ его чина литургіи, зналъ изображеніе Спасителя и училъ поклоняться предъ нимъ⁵⁾. Если бы кому-либо и удалось доказать непринадлежность этого мѣста св. І. Златоусту, то и тогда принципиальная возможность изображать Невидимаго Бога не будетъ казаться противорѣчащей Златоусту, если мы примемъ во вниманіе вышеприведенную аналогію съ царскимъ изображеніемъ, равно и слѣдующія слова его: „Когда Онъ (Богъ) является, то является

1) Бес. на Ев. Мѣ. Москва 1846, т. II, с. 342—343.

2) Л. Н. Толстой. Что такое искусство? Изд. 1-е. Москва 1898 г., с. 64.

3) Ibid., с. 65.

4) Тв. І. Злат. Слова на разн. случ. I, 49.

5) Ibid., т. XII, с. 394.

не тѣмъ, что Онъ есть, является не открытая сущность Его (никто не видѣлъ Бога такъ, каковъ Онъ есть, потому что когда Онъ является со снисхожденіемъ, то трепещутъ херувимы; снисходить—и дымятся горы)... Онъ не является тѣмъ, что Онъ есть, а тѣмъ, что можетъ видѣть взирающій; почему иногда является ветхимъ, иногда новымъ, иногда въ огнѣ, иногда въ вѣтрѣ, иногда въ водѣ, иногда въ оружіи, не измѣняя Своей сущности, а перемѣняя видъ примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ ¹⁾. А потому христіане и имѣютъ возможность изображать Бога въ такомъ видѣ, въ какомъ Онъ благоволилъ являться людямъ и такое изображеніе Божіе не только позволительно, но и привлекаетъ къ себѣ особую благодать Божію (чудотворныя иконы). „То обстоятельство, — говоритъ Д. Рескинъ, — что таинственнымъ путемъ Богъ сходитъ туда, гдѣ ищутъ Его присутствія, и отвращается отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ о Немъ забываютъ,—это обстоятельство, конечно, слѣдуетъ признать неопровержимую аксіомою ²⁾. Но не нужно забывать, что почитаніе иконъ только тогда полезно для насъ, когда мы твердо вѣруемъ въ существованіе Божества, помимо и независимо отъ существованія Его изображеній. „Несомнѣнно,—говоритъ тотъ же Рескинъ,—что искусство, заставляющее насъ вѣрить въ то, во что мы иначе не вѣрили бы, находить плохое, а во многихъ случаяхъ даже опасное примѣненіе. Нашъ долгъ вѣрить въ существованіе Божества или другихъ божественныхъ существъ не потому, что у насъ есть картины, изображающія ихъ ³⁾).

Впрочемъ, одобряя полезное и красивое искусство, Златоустъ не забываетъ, что не красота и польза являются конечной цѣлью искусства, какъ и всякой другой дѣятельности человѣка, а возможное приближеніе къ Богу, Первоисточнику всякой красоты. И потому, признавая, напр. тѣлесную красоту человѣка, когда говоритъ: „дивно цѣло мудріе; но оно гораздо удивительнѣе, когда соединяется съ наружною красотой“ ⁴⁾; св. Златоустъ въ тоже время предостерегаетъ отъ излишняго пристрастія къ ней, когда гово-

¹⁾ Творенія І. Златоуста, т. III, с. 418.

²⁾ Д. Рескинъ, Лекціи по искусству, стр. 68.

³⁾ Ibid., стр. 61.

⁴⁾ Твор. І. Златоуста, т. III, с. 235.

ривъ: „тѣлесная красота—кратковременный цвѣтъ, не долго являющійся весною юности, и скоро увядающій отъ времени, а если кто захочетъ изслѣдовать самую сущность ея, то будетъ въ состояніи тѣмъ болѣе презирать ее, такъ какъ она есть не что иное, какъ влага, кровь, сокъ и жидкость съѣденной пищи, чрезъ которую и глаза, и щеки, и носъ, и брови, и уста, и все тѣло получаетъ полноту, если же прекратится приливъ этотъ, то совершенно исчезнетъ и благообразіе лица“ ¹⁾). Преимущественно предъ тѣлесной красотой занимаетъ св. Златоуста другая красота, красота души человѣка, красота его нравственныхъ поступковъ. Поскольку эта послѣдняя красота можетъ быть выражена въ искусствѣ, постольку это искусство признается св. І. Златоустомъ; искусство же, являющееся выраженіемъ безобразія души и ея дурныхъ инстинктовъ, безусловно осуждается и отрицается. „Красиво было здоровое тѣло Іова; но стало еще прекраснѣе, когда изъязвлено было ранами: такъ шерсть бываетъ красива и до окраски, но сдѣлавшись пурпуровою, получаетъ неизъяснимую красоту и пріятность“ ²⁾). „Какъ желающіе украсить свои дома,—говор. св. Златоустъ въ другомъ мѣстѣ,—расписываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ разноцвѣтною живописью; такъ и мы на стѣнахъ души нашей изобразимъ казни мучениковъ. Та живопись бесполезна, а эта живопись приноситъ пользу“ ³⁾). Впрочемъ, по Златоусту: бесполезна только та живопись, которая имѣетъ въ виду украшеніе и роскошь; живопись же, изображающая высоконравственные поступки весьма полезна для души. Напр., относительно притчи о богатомъ и Лазарѣ Златоустъ говоритъ: „Эту притчу напишите и богатые, и бѣдные; богатые—на стѣнахъ домовъ вашихъ, а бѣдные на стѣнахъ души.. И будетъ она училищемъ и источникомъ всякаго любомудрія“ ⁴⁾).—Напротивъ, языческое искусство вредно, такъ какъ „бѣсъ сидитъ въ нагомъ изображеніи. Истуканы изображаютъ то блудъ, то безумную страсть къ мужчинамъ. Что означаетъ на нихъ орелъ? Что — Ганимедъ? Что преслѣдующій дѣву Аполлонъ? Что другія отвратительныя изображе-

¹⁾ Ibid., стр. 28.

²⁾ Твор. І. Златоуста, т. II, с. 70.

³⁾ Ibid., т. I, 12.

⁴⁾ Вес. къ антиохійц. I 116 (Бочалдинъ 683).

нія? Вездѣ сладострастіе, вездѣ развратъ, вездѣ изображенія незаконныхъ кровосмѣшеній и неистовыхъ страстей“¹⁾. Такую же характеристику языческой живописи дѣлаетъ и ученый Жюль Марть. „Кажется,—говоритъ онъ,—что греко-римскіе живописцы не знали другихъ сюжетовъ, кромѣ любовныхъ. За рѣдкими исключеніями, ихъ миѳологическія картины суть только чувственные и сладострастные анекдоты“²⁾. Естественно, поэтому, что противъ такой живописи такъ рѣзко возражали св. отцы Церкви.

Итакъ, не только польза житейская является, по Златоусту, задачей искусства, но гораздо болѣе польза душевная. Для достиженія этой послѣдней Златоустъ готовъ даже снисходительно отнестись къ языческому искусству, если оно можетъ только послужить пользѣ душевной. Такъ онъ говоритъ о св. ап. Павлѣ: „Павелъ вошелъ въ городъ и нашелъ жертвенникъ, на которомъ было написано: невѣдомому Богу. Что нужно было дѣлать? Говорить изъ Евангелія? Но они стали бы насмѣхаться. Изъ пророческихъ писаній и изъ закона? Но онѣ не говорили бы. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ прибѣгнулъ къ жертвеннику и оружіемъ врагомъ побѣдилъ ихъ самихъ... Онъ увидѣлъ жертвенникъ и не утрашился, но обратилъ жертвенникъ въ свою пользу, или—лучше—оставивъ письма, измѣнилъ ихъ смыслъ... Они (аеиначе) написали въ одномъ смыслѣ, а онъ могъ дать тому же самому другой смыслъ... Они сказали это о другихъ богахъ, а онъ обратилъ тоже самое ко Христу... Видишь-ли мудрость Павла? Видишь-ли его благоразуміе?“³⁾ восклицаетъ св. Златоустъ. Видите-ли,—прибавимъ и мы отъ себя,—какъ широко понималъ св. І. Златоустъ христіанскую примѣняемость? Не въ такомъ-ли именно пониманіи христіанской свободы и отношеніи къ античному искусству лежитъ корень того явленія, что древне-христіанское искусство не брезгало перенимать у язычниковъ художественныя формы и технику искусства, влагая въ нихъ другой смыслъ (вспомнимъ, напр., изображеніе І. Христа подъ видомъ Орфея)?

Современный намъ знатокъ искусствъ Д. Рескинъ такъ же

¹⁾ Ibid, т. V, с. 333.

²⁾ Голубцовъ. Отнош. христіанъ II—III ст. къ искусству. Богосл. Вѣст. 1903 г., кн. X, с. 175.

³⁾ Твор. І. Златоуста, т. III, с. 57, 58, 59.

именно опредѣляетъ ихъ. „Искусства имѣли, — говоритъ онъ,—и могутъ имѣть три главныя цѣли: во первыхъ, усиленіе религіознаго чувства людей, во вторыхъ, подъемъ ихъ нравственнаго состоянія, и въ третьихъ, практическую пользу“ 1).

Конечной цѣлью всякаго искусства служить по Златоусту, какъ мы сказали выше, приближеніе къ Первоисточнику красоты, относительно полное осуществленіе котораго возможно только за гробомъ. И потому св. Златоустъ отъ предметовъ искусства и красотъ природы старается направить взоръ человѣка къ будущей жизни и къ созерцанію красивѣйшаго изъ міровъ. „И все это, человѣкъ, для тебя,— говоритъ онъ,—и искусство для тебя, и ремесла, города, селенія, и сонъ для тебя, и смерть и жизнь для тебя, и столь многочисленныя явленія природы и не только теперешній міръ для тебя, но и еще лучшій для тебя“ 2). Предъ своими слушателями онъ раскрываетъ такую картину страшнаго суда: „На царскихъ картинахъ изображаются царскіе тѣлохранители во славіи и рядомъ съ ними плѣнные варвары, поверженные у ногъ Царя... Тоже самое будетъ происходить и въ пришествіе великаго Царя: на картинѣ славы Его явится ликъ вѣрующихъ, торжествуя вмѣстѣ съ ликомъ ангельскимъ, съ пѣніемъ и славословіемъ, а тутъ же невѣрующіе будутъ распростерты у ногъ великаго Царя... Именно, какъ на картинѣ“ 3). Красота „лучшаго изъ міровъ зависѣла, по взгляду Златоуста, конечно, отъ того, что здѣсь достойные будутъ зрѣть саму Абсолютную Красоту... Но здѣсь мы не можемъ удержаться, чтобы не предоставить слово философу Плотину, который,—не смотря на то, что былъ язычникъ, и воспѣвалъ, повидимому, величіе и красоту не дѣйствительнаго, а „созданнаго имъ же самимъ Бога“, однако сложилъ столь „вдохновенный гимнъ Прекрасному“, что въ его словахъ певольно чувствуется „рѣяніе высшей благодати“ и живительные лучи того солнца, которое „горѣло на небѣ уже почти три столѣтія“ и не могло, конечно, не

1) Д. Рескинъ, Лекціи по искусству, с. 48.

2) Твор. I. Златоуста, т. III, с. 514

3) Ibid. т. VIII, с. 822.

огрѣвать и слѣпыхъ ¹⁾). „Что же долженъ испытывать тотъ, кто созерцаетъ само Прекрасное, чистое Прекрасное, которое въ силу своей чистоты безплотно и безтѣлесно, внѣ земли и неба! Если можно созерцать Того, Кто даетъ всѣмъ существамъ ихъ совершенство, оставаясь Самъ неподвижнымъ, ничего не получая отъ нихъ, если можно успокоиться на Его созерцаніи и наслаждаться Имъ, сдѣлавшись Ему подобнымъ, то какую другую красоту можно пожелать созерцать? Онъ есть высшая красота, первая красота и дѣлаетъ прекрасными всѣхъ, кто Его любитъ, такъ что и они сами дѣлаются достойными любви. Такова великая, высшая цѣль души; къ этой цѣли она должна направить всѣ свои усилія, если не хочетъ лишиться этого возвышеннаго созерцанія, наслажденіе которымъ даетъ блаженство, лишеніе котораго есть величайшее изъ несчастій. Несчастливъ не тотъ кто не обладаетъ ни прекрасными цвѣтами, ни прекраснымъ тѣломъ, ни могуществомъ, ни господствомъ, ни царствомъ, а тотъ, кто лишень обладанія красотой,—обладанія, за которое слѣдуетъ отдать всѣ царства, власть надъ всей землей, моремъ, даже небомъ, если только оставивъ и презрѣвъ все это можно достигнуть лицезрѣнія красоты!“ ²⁾. Такимъ образомъ, и по ближайшимъ задачамъ своимъ и по конечной цѣли своей искусство—морально, такъ какъ призвано служить нравственному совершенству человѣка ³⁾.

Что касается тѣхъ средствъ, какими располагаетъ ху-

¹⁾ Апаньянт. Ученіе Плотина о прекрасномъ. Вѣра и Раз. 1903 г т. 1-й с. 100.

²⁾ Ibid, стр. 99—слова Плотина.

³⁾ Здѣсь насъ могутъ упрекнуть въ тенденціозности: искусство оказывается, повидимому, призваннымъ служить не красотѣ, а морали и художественное произведеніе низводится на степень средства, служащаго иной цѣли, принимаемой за высшую—цѣли нравственности. Но истинное искусство и не знаетъ иной конечной цѣли, кромѣ нравственнаго совершенства людей и высшую красоту полагаетъ именно въ добрѣ, такъ что поскольку художникъ въ своемъ произведеніи искрененъ, постольку нравственный элементъ въ искусствѣ не имѣетъ характера тенденціи т. е. сознательнаго, чисто разсудочнаго подыскиванія художественныхъ образовъ для заранѣе намѣченной цѣли. Если мораль въ искусствѣ, такимъ образомъ,—и тенденція, то тенденція законная, идущая изъ глубины души, владѣющая всѣмъ существомъ художника, широко раздвигающая его кругозоръ,—ставшая необходимою составною частью его творчества.

дожникъ для выраженія одушевляющихъ его внутреннихъ переживаній, то и средства эти, какъ ведущія къ нравственной цѣли и выражающія моральныя идеи, сами по себѣ должны быть нравственны. И при оцѣнкѣ ихъ Златоустъ прилагаетъ къ нимъ ту-же мѣрку согласія съ моралью и пользой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Тѣ изъ нихъ, какія оказываются нравственно-полезными, — онъ признаетъ, а тѣ, нравственная полезность которыхъ сомнительна, отвергаетъ. Изъ искусствъ онъ отдаетъ предпочтеніе зодчеству и признаетъ его однимъ изъ высшихъ искусствъ, полученнымъ прямо съ неба. Такъ, говоря о построеніи Соломонова храма, онъ замѣчаетъ: „Это храмъ... гдѣ устройство было дѣломъ не человѣческаго искусства, но мудрости Божіей; гдѣ стѣны всюду блистали множествомъ золота, и гдѣ чрезвычайная драгоцѣнность матеріала и тщательность искусства, сочетавшись между собою, показывали, что это тогда былъ единственный такой храмъ на землѣ. Вѣрнѣе же сказать, не одна тщательность искусства, но и мудрость Божія участвовала въ построеніи этого зданія, потому что Соломонъ предназначталъ его и воздвигъ такимъ не по своему произволу, не самъ собою, но бывъ наставленъ во всемъ отъ Бога и получивъ предназначеніе съ неба“ ¹⁾. Но и зодчество Златоустъ считаетъ искусствомъ лишь постольку, поскольку оно нравственно-необходимо. „Доколѣ они (зодчіе) строятъ дома, — говоритъ онъ, — а не театры, занимаются необходимымъ, а не излишнимъ, — я называю его (это дѣло) искусствомъ“ ²⁾. — Скульптуру и ваяніе Златоустъ тоже признаетъ и готовъ удивляться искусству ваятеля, если онъ не создаетъ произведеній бесполезныхъ и вредныхъ. „И ваятелю удивляюсь я, — говоритъ онъ, — не столько тогда, когда онъ дѣлаетъ прекрасную статую изъ золота, сколько тогда, какъ изъ распадающейся глины силою искусства можетъ образовать удивительную и невообразимую красоту художественнаго произведенія“ ³⁾. Но „что пользы тогда, — говоритъ св. Златоустъ, — когда мы строимъ свѣтлыя и огромныя дома, украшаемъ ихъ... и всячески

¹⁾ Твор. I. Златоуста, т. II, с. 105.

²⁾ Ibid., т. VII, с. 513.

³⁾ Бес. къ Антиох. народу, т. I, с. 425 (Бочалдивъ, Цитов. соч., с. 534).

поставляемъ всюду истуканы и статуи?“¹⁾ Такія произведенія скульптуры вредны, потому что они суть „изображенія незаконныхъ кровосмѣшеній и неистовыхъ страстей“²⁾.

Болѣе строго, повидимому относится Златоустъ къ живописи, не считая ее, повидимому, даже искусствомъ. „Я не назвалъ бы также искусствами живопись и умѣнье выводить узоры, потому что они вводятъ только въ излишнія издержки; а искусства необходимыя, служащія къ поддержанію нашей жизни, должны доставлять и готовить намъ нужное“³⁾. Но здѣсь замѣчательна и обращаетъ на себя вниманіе условная форма, употребленная Златоустомъ: „я не назвалъ бы“—говоритъ онъ (а не „я не называю“), показывая этимъ самымъ, что не всякая живопись предосудительна и не есть „искусство“, а именно та, о которой говоритъ въ данномъ случаѣ Златоустъ: „изображать животныхъ на стѣнахъ, или на одеждахъ, скажи мнѣ, полезно ли къ чему нибудь?“⁴⁾. Подобное же отношеніе къ живописи и у Сенеки. „Я не имѣю основаній къ тому, чтобы принять въ число свободныхъ искусствъ живопись, столько же какъ и ваеніе и скульптуру и прочихъ прислуживателей, роскоши“ (письмо 72)⁵⁾ Религіозную же живопись Златоустъ, какъ мы видѣли, и признаетъ и одобряетъ, какъ это видно еще и изъ тѣхъ многочисленныхъ сравненій изъ области живописи, какими очень часто пользуется онъ въ своихъ твореніяхъ. Св. Писаніе, напр., онъ довольно часто сравниваетъ съ живописной картиной: „Дивная исторія Писаній,—говоритъ онъ,—какъ бы на какой высокой, великой и широкой картинѣ описываетъ для тебя жизнь древнихъ“⁶⁾. „Кисть наша здѣсь—языкъ, а художникъ—Духъ Святой“⁷⁾.—Благочестивыми живописными изображеніями Златоустъ и самъ восхищается и любитъ ихъ: „Я полюбилъ и залитую воскомъ картину, полную благочестія, потому что я видѣлъ на иконѣ ангела, поражающаго полчища варваровъ, я видѣлъ попрашными

1) Вес. нац. Филиппійц. Москва 1844 г., с. 203.

2) Твор. I. Златоуста, т. V, 333.

3) Твор. I. Златоуста, т. VII, 513.

4) Ibid.

5) Вѣра и Раз., 1886 г. № 13, с. 50.

6) Твор. I. Златоуста, т. III, 473.

7) Вес. на Дѣян. II, 47 (Бочалдинъ, с. 538).

племена варварскія, и Давида, справедливо говорящимъ: „Господи, во градъ Твоемъ образъ ихъ уничижили (Псал. 72, 20)“¹⁾. И другимъ онъ рекомендуетъ употреблять такія благочестивныя изображенія: „Эту притчу (о богатомъ и Лазарѣ) напишите и богатые и бѣдные; богатые на стѣнахъ домовъ вашихъ, а бѣдные на стѣнахъ души... И будетъ она училищемъ и источникомъ всякаго любомудрія“²⁾. „Напиши на стѣнѣ дома твоего... летящій серпъ тотъ, символъ грядущаго за грѣхи наказанія (Зах. 5, 1)“³⁾.

Но такія средства передачи своихъ переживаній, которыя могутъ служить только выраженіемъ обуревающихъ человѣка страстей и нечистыхъ пожеланій, безусловно осуждаются св. І. Златоустомъ. Такъ, не признаетъ онъ истиннымъ искусствомъ: пляску, театральное искусство, мірскія пѣсни и т. п. Почти каждая страница твореній великаго Отца заключаетъ въ себѣ осужденіе одному изъ этихъ quasi-искусствъ. Но мы не станемъ приводить здѣсь выдержекъ, потому что ихъ очень много (такъ что интересующійся легко можетъ найти ихъ самъ).

Итакъ, и изъ тѣхъ средствъ, или видовъ искусствъ, какими пользуется художникъ для выполненія задачъ искусства, Златоустъ признаетъ только такія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего безнравственнаго и бесполезнаго.

Изъ сказаннаго нами о нравственномъ характерѣ истинно-художественныхъ произведеній искусства, съ несомнѣнностью вытекаетъ, что творцами такихъ произведеній, или художниками—могутъ быть только люди нравственные. Какъ Создатель дивно-художественныхъ произведеній природы—„Высочайшій Художникъ Богъ“ (Злат. IV, 122) есть Богъ благой и всесовершенный, такъ и творецъ истинно-художественныхъ произведеній человѣческаго искусства, по своимъ нравственнымъ качествамъ, долженъ по возможности уподобляться Первохудожнику. „Чтобы достигнуть созерцанія Прекраснаго и божественнаго, всякій человѣкъ,—говоритъ Плотинъ,—долженъ сдѣлаться прекраснымъ и благовид-

¹⁾ Бочалдинъ, Цитов. ст., стр. 684.

²⁾ Бес. къ антиох. т. I, с. 116 (Бочалд. 683).

³⁾ Бес. къ антиох. I, с. 397 (Ibid.).

нымъ“ 1). Да это и естественно: въ искусствѣ художникъ руководствуется не исключительно эстетическими соображеніями, не принимаетъ въ расчетъ только требованія внѣшней красоты, но въ своемъ творствѣ удовлетворяетъ преимущественно тому, что всего болѣе ему по душѣ; а это опредѣляется его прирожденнымъ индивидуальнымъ характеромъ и степенью общаго душевнаго, умственнаго и нравственнаго развитія; и потому высоко-нравственныя переживанія, служащія содержаніемъ истиннаго искусства, возможны только въ человѣкѣ нравственномъ 2).—Великій знатокъ искусства Д. Рескинъ говоритъ: „Всякій фактъ литературы или живописи, если онъ дѣйствительно прекрасенъ, всегда служитъ свидѣтельствомъ того, что онъ происходитъ изъ благороднаго источника“ 3). „Возьмите, напр., искусство пѣнія и самого простого и совершеннаго обладателя этого искусства (въ предѣлахъ его природы), именно,—жаворонка. У него вы можете научиться тому, что значить пѣть отъ счастья. Но сперва вы должны достигнуть такого нравственнаго состоянія, при которомъ возможно это чистое счастье, а затѣмъ дать ему законченное выраженіе; послѣднее является тогда само по себѣ совершеннымъ и можетъ сообщаться всѣмъ [другимъ существамъ, которые способны къ этому чистому счастью. Но оно недоступно тѣмъ, которые не подготовились къ воспринятію его“ 4). Достоинство (качество) искусства обусловливается, такимъ образомъ, индивидуальной натурой художника и качествомъ его внутренней жизни. По удачному выраженію того-же Рескина: „никогда благородный и правильный стиль не имѣлъ другой основы, кромѣ искренняго сердца“ 5). Скупецъ, напр., не можетъ испытывать чувства милосердія, а посему и художественное изображеніе этого чувства для

1) Анаквинъ. Ученіе Плотина о прекрасномъ. Вѣра и Раз. 1903 г., т. 1, с. 101.

2) Само собой разумѣется, что для того, чтобы быть художникомъ недостаточно быть высоконравственнымъ человѣкомъ: нужно еще и то, что мы назвали чувствомъ красоты, т. е. способность выражать во внѣшнихъ образахъ свои внутр. переживанія.

3) Д. Рескинъ. Лекціи по искусству, с. 88.

4) Рескинъ. Лекціи по искусству, стр. 74.

5) Ibid., стр. 77.

него недоступно, при наличіи даже самой совершенной техники ¹⁾. Переживаемое же имъ чувство скупости само по себѣ безнравственно и не можетъ служить содержаніемъ истинно-художественнаго произведенія (это не значить, что невозможно истинно-художественное изображеніе скупости: оно возможно, но будетъ художественнымъ только тогда, если вызывается чувствами, совершенно противоположными скупости и ихъ-то возбуждаетъ въ другихъ). „Дѣвушка можетъ пѣть о своей утраченной любви, скупецъ не можетъ пѣть о своихъ утраченныхъ деньгахъ“—говорить Рескинъ ²⁾. Если вообще художникъ долженъ быть нравственнымъ человѣкомъ, то художникъ религіозныхъ произведеній искусства долженъ быть таковымъ въ особенности. Тотъ же Рескинъ говоритъ: „чтобы создать въ области отвлеченнаго искусства великія произведенія, прежде всего необходимо смотрѣть на все грязное съ отвращеніемъ, какъ на презрѣннаго, хотя и страшнаго врага“ ³⁾.

Итакъ, поскольку художникъ нравствененъ, постольку онъ и можетъ своими произведеніями удовлетворять нравственно-художественной пользѣ другихъ людей. И трудъ такого человѣка, преимущественно предъ другими, заслуживаетъ уваженія. „Обратимся къ художникамъ и ремесленникамъ“ — говоритъ св. І. Златоустъ. — „Кажется, эти люди преимущественно предъ другими снискиваютъ пропитаніе справедливыми трудами и собственнымъ потомъ“ ⁴⁾. Напротивъ, трудъ людей, дѣлающихъ безнравственныя произведенія искусства (ложнаго), какъ напр., изображенія языческихъ

1) Художественнаго творчества не слѣдуетъ смѣшивать съ техникой въ искусствѣ, или умѣніемъ выразить одушевляющія художника чувства: техника не есть искусство, а только служанка искусства. Хотя безъ техники невозможно сорершенство искусства, но и самая совершенная техника сама по себѣ не способна къ созданію истинно художественнаго произведенія: „рожденіе идей и образовъ,—говор. Боборыкинъ,—не допустимо безъ внутренней, богатой жизненностью души художника, которая въ видѣ худож. созданія, стремится проявить себя во внѣ“ (П. Боборыкинъ. „Красота, жизнь и творчество“. Вопр. филос. и психол. 1893 г. Мартъ, с. 52).

2) Д. Рескинъ, лекціи по искусству, стр. 74.

3) Ibid., с. 23.

4) Твор. І. Златоуста, т. VII, с. 627.

боговъ, достоинъ осужденія, такъ какъ обнаруживаетъ безнравственность самихъ художниковъ ¹⁾.

Но всякій художникъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, въ значительной степени, является продуктомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ и въ которой онъ дѣйствуетъ. „Искусство руки,—говоритъ Д. Рескинъ,—безусловно точный показатель нравственного уровня самого художника, а во вторыхъ, точный, хотя и искаженный разными вредными влiянiями, показатель нравственного уровня той націи, къ которой художникъ принадлежитъ“ ²⁾. Если онъ въ этомъ отношеніи стоитъ и нѣсколько выше среды, то все же въ его художественныхъ произведенiяхъ, понятнымъ для всѣхъ (т. е. вызывающимъ тѣ же переживанiя, какiя испыталъ самъ художникъ) можетъ быть только то, что находитъ откликъ въ симпатическихъ переживанiяхъ зрителей. На благородное, возвышенное и нравственное въ художественномъ произведенiи могутъ откликнуться и откликнутся только люди благородные, возвышенные и нравственные (хоть относительно). Напр., изображенiе чувства милосердiя можетъ быть понятно и возбудить именно это чувство только въ людяхъ сколько-нибудь милосердныхъ. И наоборотъ, изображенiе, напр., крестныхъ страданiй Спасителя покажется „безумiемъ“ и „юродствомъ“ для тѣхъ, кто въ своемъ сердцѣ (если только есть такое сердце) не носитъ и зародыша той любви, въ силу которой былъ бы готовъ „положить душу свою за други своя“ (Ев. Іоан. 15, 13) Путемъ искусства, т. о., невозможно насаждать нравственные качества въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ ихъ не имѣется; но тамъ, гдѣ они есть,—ихъ можно путемъ искусства укрѣплять и развивать.

Вполнѣ же понятно истинное искусство можетъ быть только для людей нравственныхъ. „Искусству,—говоритъ Д. Рескинъ,—долженъ предшествовать надлежащiй нравственный уровень людей; безъ него не можетъ быть искусства. Но разъ оно уже прiобрѣтено, уже существуетъ,—его обратное дѣйствiе возвышаетъ самый уровень нравственности, изъ которой оно само произошло, и, главное, сообщаетъ

¹⁾ Ibid., т. VI, с. 23 и т. VII, с. 239.

²⁾ Д. Рескинъ, Лекціи по искусству, с. 81.

восторгъ другимъ умамъ, которые въ нравственномъ отноше-
ніи уже способны подчиниться его дѣйствию“¹⁾. И только
такіе люди способны вполне его оцѣнить и имъ наслаж-
даться. Какъ во всѣхъ областяхъ жизни, такъ и въ области
искусствъ, возможность самаго свѣтлаго счастья и проч-
ность его зиждется на добродѣтели, и только на ней одной.

Какъ говорить нашъ поэтъ:

„Будь несолнеченъ нашъ глазъ—
Кто бы солнцемъ любовался?
Не живи духъ Божій въ насъ—
Кто бы божественнымъ плѣялся“?
(Жуковский. „Мысли“).

Самая красота художественнаго произведенія, вызываю-
щая эстетическія эмоціи и доставляющая наслажденіе, не
есть вѣдь свойство предмета, а свойство души художника
и зрителя. Красота въ искусствѣ является, поэтому, показа-
телемъ нравственной чистоты и величія того чувства, кото-
рое выражается въ художественномъ произведеніи. Но
только показателемъ и возвышающимъ стимуломъ, а не
корнемъ или причиной. Живописью или скульптурой нельзя
достигнуть того, чтобы самому стать и другихъ сдѣлать
нравственными людьми; но нужно быть такими прежде,
чѣмъ будемъ въ состояніи рисовать или лѣпить, и только
въ такомъ случаѣ краски и глина завершатъ все, что есть
въ насъ хорошаго. „Не столько природа дѣлаетъ лицо кра-
сивымъ, сколько расположеніе взирающаго на него“, —
говоритъ св. І. Златоустъ, — „потому что мнѣніе зависитъ
не отъ естественныхъ свойствъ видимаго, но отъ распо-
ложенія видящихъ“²⁾. И потому, — дѣлаетъ выводъ философъ
Плотинъ, — „всякій человекъ для того, чтобы созерцать
истинно прекрасное, долженъ самъ сдѣлаться божественнымъ
и прекраснымъ“³⁾. „Прекраснымъ“, — конечно, не по тѣлу,
а по душѣ: „Украшай лице цѣломудріемъ, скромностью,
милостынею, человеколюбіемъ, любовью, привѣтливостью,
кротостью, смиреніемъ, терпѣливостью; вотъ краски добро-

1) Д. Рескинъ, Лекціи по искусству, с. 73

2) Твор. І. Златоуста, т. II, 267.

3) Анабизъ. Уч. плот. о прекр. Вѣр. и Раз. 1903 г., т. I, с. 48.

дѣтели“¹⁾—говорить св. І. Златоустъ. И тогда, по выраженію Плотина, „мы закроемъ тѣлесные глаза и откроемъ глаза духа, для того, чтобы пробудить въ насъ другое зрѣніе, которымъ обладаютъ всѣ, а пользуются очень немногіе“²⁾. Наслажденіе красотой искусства, слѣдовательно, доступно не всякому. Для этого надо быть человѣкомъ добрымъ, нравственно чистымъ, съ любящимъ и отзывчивымъ сердцемъ. А вѣдь это все свойства моральнаго качества: здѣсь, слѣдовательно, мы получаемъ доказательство сліянія эстетическихъ принциповъ съ моральными.

Но кромѣ способности къ наслажденію, человѣкъ нравственный, руководствующійся въ своей жизни голосомъ совѣсти и велѣніями нравственнаго долга, долженъ чувствовать за собой и нравственное право на наслажденіе, прежде чѣмъ наслаждаться произведеніями искусства. „Какъ не стыдно,—говорить св. І. Златоустъ, — украшать мраморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды!.. Будемъ же и мы украшать не дома, но прежде домовъ души свои“³⁾.

„Мы можемъ обладать блестящимъ искусствомъ,—говоритъ Рескинъ,—можемъ при помощи его славить и чтить Творца, можемъ правдиво прослазлять красоту и святость всего, что создано имъ; но только тогда, когда, мы отъ всего сердца постарались сперва освятить храмъ тѣла и духа каждаго ребенка, у котораго нѣтъ кровли, чтобы укрыться отъ сгущи, нѣтъ стѣны, за которой онъ могъ-бы уберечь отъ порчи свою душу“⁴⁾. Наслажденіе прекраснымъ, поэтому, нравственно недопустимо, если, человѣкъ забываетъ о той цѣли, къ какой оно должно приводить, т. е. забываетъ о своемъ нравственномъ совершенствѣ о томъ, что,—какъ говорить нашъ родной поэтъ:

„Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!
Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;

¹⁾ Твор. І. Златоуста, т. II, 267.

²⁾ Анаѣинъ, Цитов. статья, с. 48.

³⁾ Твор. І. Златоуста, т. II, с. 34.

⁴⁾ Рескинъ, Лекціи по искусству, стр. 41.

Гробницы, урны, пирамиды—
 Не знаки-ль суетности то?
 Они блаженства не доставятъ
 Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи...
 Увы! несчастенъ, кто оставилъ
 Лишь ихъ—и болѣ ничего! (Жуковскій).

„Безъ горячѣй любви къ человѣчеству,—говоритъ Горнъ,—нѣтъ истиной любви къ искусству“ (Фр. Горнъ).

„Чтобы узналъ ты основательно,—говоритъ св. І. Златоустъ, что одна добродѣтель украшаетъ жителей... постараюсь это доказать, взявъ въ примѣръ то, что досточтимѣе всякаго города, именно храмъ Божій въ Іерусалимѣ. Это храмъ, въ которомъ приносились жертвы и молитвы, совершались богослуженія, гдѣ находились Св. Святыхъ, и Херувимы, и Завѣтъ, и стамна золотая,—эти великія знаменія промысленія Божія о народѣ... И однако, этотъ прекрасный, удивительный и святой храмъ, когда молившіеся въ немъ развратились, былъ такъ обезчещенъ, опозоренъ и оскверненъ, что еще прежде разрушенія своего названъ вертепомъ разбойниковъ и пещерою гѣны, а впоследствии преданъ былъ въ варварскія, нечистыя и скверныя руки“¹⁾.

Итакъ, искусство, по взгляду Златоуста, только тогда можетъ быть истиннымъ, когда оно находится въ тѣсномъ взаимодействіи съ нравственностью и служитъ нравственному совершенству человѣчества. Въ этомъ отношеніи оно является подготовительной ступенью къ такому блаженному состоянію человѣка, когда для него никакое искусство будетъ уже не нужно. Частое сравненіе искусства съ Св. Писаніемъ, допускаемое св. І. Златоустомъ въ своихъ твореніяхъ, даетъ намъ право заключать, что и къ искусству приложимы слѣдующія слова св. Отца, сказанныя имъ о Св. Писаніи: „По настоящему намъ не слѣдовало бы имѣть и нужды въ помощи Писанія, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вмѣсто книгъ, служила нашимъ душамъ благодать Духа, и чтобы, какъ тѣ написаны чернилами, такъ и наши сердца были исписаны Духомъ. Но такъ какъ мы отвергли такую благодать, то воспользуемся ужъ хотя бы вторымъ путемъ“²⁾. Эти слова въ полной мѣрѣ

1) Твор. І. Златоуста, т. II, с. 195.

2) Ibid., т. VII, 5,

приложимы и къ искусству, которое, такимъ образомъ, является однимъ изъ путей къ нравственному совершенству.

Искусство человѣческое, а особенно его первообразъ—искусство Творца міра,—являются той великой книгой, которая была открыта и для язычниковъ, и до сихъ поръ открыта для всѣхъ, желающихъ познавать „Его присносущную силу и Божество“ (Римл. 1, 20).

„Черезъ искусство говорить духъ съ духомъ, матерія является только улицей, по которой совершается сообщеніе“—говоритъ Гриммъ („Опыты“).

Въ произведеніяхъ искусства человѣческаго созерцающій ихъ воспринимаетъ тѣ переживанія, какія вложилъ въ нихъ художникъ; созерцающему же произведенія Высочайшаго Художника открыта возможность пріобщаться жизни Божественной: нужно только, чтобы всякій желающій читать великую книгу природы обладалъ достаточно чистымъ сердцемъ, ибо только „чистые сердцемъ Бога узрятъ“ (Мѡ. 5, 8).

Занятія же чтеніемъ этой книги природы, сами по себѣ, конечно,—высокоправственны и угодны Богу, такъ какъ при созерцаніи красотъ природы, человѣкъ дѣлается несомнѣнно лучше, возвышается, миръ и спокойствіе слетаютъ на его душу:

„Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на чель;
И въ небесахъ я вижу Бога,
И счастье я могу постигнуть на землѣ“ (Лермонтовъ).

Это счастье возможно для каждаго изъ насъ и составляетъ законную радость нашей жизни, такъ какъ подается оно Тѣмъ, Кто „Самъ каждое утро и каждый вечеръ раскрываетъ предъ нами окна, съ божественнымъ искусствомъ раскрашенныя и въ золотой, и въ голубой и въ ярко-красной цвѣтъ,—окна, озаренныя блескомъ тѣхъ небесъ, которыя можно считать мѣстомъ Его пребыванія съ большимъ правомъ, чѣмъ нашу отягченную грѣхами землю.

Что нашъ языкъ предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разнovidное съ единствомъ согласила!

Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
 Едва, едва одну ея черту
 Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью...
 Но то, что слито съ сей блестящей красотой—
 Сіе столь смутное, волнующее насъ,
 Сей внемлемый одной душою
 Обворожающаго гласъ,
 Сіе къ далекому стремленье...
 Сіе сходящая святыня съ вышины,
 Сіе присутствіе Создателя въ созданъ,—
 Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа летитъ,
 Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
 И лишь молчаніе понятно говорить.

(Жуковский „Невыразимое“).

Но отчего-же мы такъ мало наслаждаемся этимъ счастьемъ, такъ мало даже его замѣчаемъ? „Не отъ того-ли,—скажемъ словами Рескина,—что мы любимъ больше свои, чѣмъ Его творенія, мы цѣнимъ свѣтлыя стекла, а не свѣтлыя облака, расшиваемъ причудливыми узорами платья, покрываемъ яркою позолотой красиво устроенные своды, при этомъ не обращаемъ никакого вниманія на небеса, твореніе Его рукъ, не видимъ звѣздъ на этомъ необыкновенномъ сводѣ, который сооруженъ Имъ? И выдѣлывая купели и воздвигая колонны въ честь Того, Кто пролагаетъ путь рѣкамъ черезъ скалы и при гнѣвѣ Котораго смущаются столбы земли, мы воображаемъ, что намъ простится постыдное пренебреженіе къ холмамъ и потокамъ, которыми Онъ надѣлилъ наше обиталище—землю; простится тотъ ядъ, которымъ мы отравляемъ ея душистый воздухъ, то пламя, которымъ мы сожигаемъ ея нѣжныя травы и цвѣты, простится этотъ позоръ смѣшенія роскоши и нищеты на нашей родной землѣ, словно мы трудимся... исключительно для одной цѣли, именно, какъ бы на перекоръ той пѣсни, которую поютъ херувимы съ высоты, а люди внизу въ церквахъ: „Святъ, святъ Господь Богъ нашъ. Небо и земля исполнены славы Твоей“! 1).

Свящ. *Е. Викторовскій.*

1) Д. Рескинъ, Лекціи по искусству, с. 69—70.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**